

К
Исторической
Правде

1973

П. Г. ГРИГОРЕНКО

СОКРЫТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ — ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПЕРЕД НАРОДОМ!

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КПСС»

ЛОНДОН, ОНТАРИО
КАНАДА

ЗАРЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНОЕ ДЕЛО
1978

ZARIA, 73 BISCAY ROAD
LONDON 74, ONTARIO
CANADA

СОКРЫТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ — ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПЕРЕД НАРОДОМ!

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КПСС»

Уважаемый товарищ редактор!

В № 9 вашего журнала за 1967 год опубликована статья «В идейном плену у фальсификатора истории». Поскольку она целиком обрушивается на книгу А. М. Некрича «1941. 22 июня», я хочу начать с нескольких справок об этой книге, и о том, как она была у нас встречена и оценена.

В свет она вышла в 1965 году — два года назад! — пятидесятитысячным тиражом, который в первые же дни не смог удовлетворить спрос. Достать ее сегодня, не то, что в собственность, а хотя бы для прочтения — это целое событие. На книгу немедленно откликнулась и пресса и научная общественность.

В январе 1966 года журнал «Новый мир» опубликовал о ней, в своем «Книжном обозрении» короткую, но весьма содержательную статью доктора исторических наук Г. Федорова «Мера ответственности». Автор этой статьи, оставаясь вполне

Это письмо генерала П. Г. Григоренко в редакцию журнала «Вопросы истории КПСС» не было редакцией напечатано. Оно распространяется в СССР в списках. Мы получили его из СССР с оказией и печатаем без ведома автора. Генерал П. Г. Григоренко, коммунист-либерал, приобрел широкую известность в международной печати благодаря своим смелым протестам против комедии суда над Синявским и Даниэлем, над Гинзбургом, Галансковым и другими, своим протестом против вторжения советских войск в Чехословакию, а также своей смелой речью на похоронах своего друга, опального писателя А. Костерина. Не так давно ген. П. Г. Григоренко был исключен из партии и арестован. Мы не знаем, где сейчас он: в тюрьме, в концлагере или в лечебнице для психически больных, куда КГБ помещает политически неблагонадежных. РЕД., «НОВЫЙ ЖУРНАЛ»

объективным, вскрывает основное содержание книги и весьма убедительно дает положительную оценку ее политической значимости, научного уровня и литературных качеств.

В феврале того же года книга получила единодушную положительную оценку на обсуждении, организованном отделом истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ни один из присутствующих (а их было несколько сот человек) не возражал против ее основного тезиса о том, что в захвате противником в 1941-42 годах половины европейской территории нашей страны, виновато тогдашнее советское государственное и партийное руководство.

Так, выступавший на обсуждении первым, профессор Деборин согласился с положительной оценкой книги отделом истории Великой Отечественной войны и полемизировал только по поводу отдельных частных, например, по вопросу о роли гитлеровского руководства в организации полета Гесса в Англию и о военной ценности наших 45 мм пушек. Кроме того, оратор возражал против персонификации всей ответственности за поражения начального периода войны на одном Сталине; он подробно аргументировал, в частности, личную вину бывшего начальника Разведуправления Генерального Штаба, ныне маршала Советского Союза, А. Ф. Голикова, как главного дезинформатора тогдашнего военного и государственного руководства.

Положительную оценку книги дали и остальные выступавшие. Генерал-майор Тельпуховский, например, целиком одобряя книгу, дополнительными фактами подтвердил личную ответственность Сталина за наши поражения 1941-42 гг.

Журнал «Вопросы истории КПСС» является органом Института марксизма-ленинизма, но статья об обсуждавшейся здесь книге появляется в этом журнале только в сентябре 1967 года. Скажем прямо — не очень оперативно! И это тем более удивительно, что в оценке книги сей журнал расходится не только с «Новым миром», но и с результатами упомянутого обсуждения. Но уже не удивляешься, а прямо ПОРАЖАЕШЬСЯ, когда устанавливаешь, что оба автора рассматриваемой статьи оказываются те самые Г. А. Деборин и В. С. Тельпуховский, которые присутствовали на обсуждении и выступали (один из них — Г. А. Деборин даже дважды) со своими оцен-

ками, диаметрально противоположными всему содержанию нынешней их статьи.

Вот почему теперь совершенно необходим всесторонний анализ и статьи и книги, которой она посвящена.

1. Общий анализ статьи

По здравому смыслу рассматриваемая статья должна была бы являться рецензией на книгу, коей она посвящена. Но по ней нельзя составить даже приблизительное представление о содержании книги. Статья не может (да, видимо, и не ставит целью) помочь читателю осмыслить прочитанное или привлечь внимание читавшего книгу к тем поучительным выводам, кои вытекают из ее содержания и примененного автором метода исследования.

В статье отсутствует абсолютно необходимое для всякой рецензии стройное, последовательное и вразумительное освещение недостатков и достоинств книги, а если никаких достоинств не обнаружено — то, хотя бы ясное заявление об этом. Нет ни одного опровержения приведенных в книге фактов, ни одного противопоставления фактам, признаваемым авторами статьи недостоверными — других, кои они почитают за достоверные, ни одной цифры, ни одного своего научно обоснованного вывода, как и ни одного убедительно доказанного опровержения выводов, имеющих в книге.

Из статьи можно уразуметь лишь то, что ее авторы книгой очень недовольны. Невольно возникает вопрос: что же заставило их изменить то положительное мнение, которое они высказывали о ней во время обсуждения в Институте марксизма-ленинизма? Ведь должны же быть для столь рискованного «пируэта» достаточно веские основания. А так как на выработку нового мнения о книге затрачено столь продолжительное время, то мы вправе были бы ожидать, что новая точка зрения авторов была ими убедительно обоснована, а мнения и оценки, высказанные на обсуждении, в том числе — ими самими, а также изложенные в рецензии «Нового мира», — доказательно опровергнуты.

Между тем ничего похожего в статье нет. Об обсуждении в ней даже не упоминается. Статью же Г. Федорова авторы голословно ругнули, не объяснив даже своих с ней расхождений.

Очень трудно, уважаемый товарищ редактор, уяснить суть статьи Г. А. Деборина и В. С. Тельпуховского. Но все же отшелушив многословную ругань, на которой она только и стоит, то можно установить, что в ней доказывается... — нет, не доказывается, а бездоказательно вдалбливается читателю путем многократного повторения голословных обвинений, что автор книги, будто бы, умышленно искажает, как события происшедшие 22 июня 1941 года, так и те, что предшествовали этому дню, то-есть, пишет заведомую неправду и тем прямо способствует буржуазным фальсификаторам истории. Обвинительные возгласы, призванные воздействовать соответствующим образом на психику читателя, сыплются как из рога изобилия. На тридцати журнальных страницах — их свыше сорока. Все эти обвинения не имеют под собой никакой почвы и в подавляющем большинстве попросту нелепы.

Опровергать шаг за шагом все эти нагромождения абсурдностей невозможно, да и бессмысленно. Это выходит за рамки научной полемики и является, скорее, делом органов правосудия. Было бы несомненно оправдано и очень полезно для нашего общества, если бы А. М. Некрич привлек авторов статьи и Вас, товарищ редактор, к судебной ответственности за дезинформацию. Но это, разумеется, дело его. Я же попытаюсь сделать только то, что в моих возможностях; как можно нагляднее показать несостоятельность и антиобщественный характер подобного выступления в печати.

Все обвинения, выдвинутые статьей против автора книги, выглядят, на первый взгляд, очень серьезно. Но беда критиков в том, что они не смогли обосновать ни одно из своих обвинений ни доказательствами, ни логическими суждениями.

Во всех тех случаях, когда они бросая голословное обвинение автору книги, пытаются изложить собственное свое понимание вопроса, легко установить, что это «свое» — не что иное, как извлеченное и переписанное их словами из текста рецензируемой книги. Так они поступили, например, по всем затронутым ими вопросам из первой и второй глав этой книги.

В других случаях, без зазрения совести, применяются явные передержки. Приведу пример. На странице 139 журнала написано: «На заключительных страницах книжки А. М. Некрич бросает чудовищное обвинение советским воинам, заявляя, что «фашистские армии не встретили серьезного сопро-

тивления на границе» (161). Так цитируют хвалёные авторы статьи.

А вот, что написано в книге (а не в «книжке», как презрительно именуется на протяжении всей статьи труд Некрича), если цитировать хотя бы от точки до точки: «Фашистские армии не встретили серьёзного сопротивления на границе, хотя советские воины сражались героически, до последнего патрона, до последнего вздоха». Как видим, вся фраза, а не «огрызкок» от нее, не дает никаких оснований для того, чтобы разыгрывать возмущение недооценкой героизма советских воинов. Если же заглянуть еще в одну, следующую фразу, то-есть дойти до смысловой точки, то можно прочесть вот что: «Здесь, на границе, уже в первые часы боев родился тот героизм, который позволил Красной Армии выдержать тяжелые удары и превратности войны и закончить свой освободительный поход в поверженном Берлине» (стр. 161).

И вот, — мысль, выраженную в этих двух фразах, авторы статьи умудряются определить, как «образчик клеветы», на которую решаются немногие фальсификаторы истории (стр. 139 журнала). После этого, товарищ редактор, разрешите Вас спросить: кто же клеветники? ТРИЖДЫ КЛЕВЕТНИКИ И ФАЛЬСИФИКАТОРЫ!?

Авторы статьи многократно обвиняют товарища Некрича в том, что он то одно, то другое обошел или не упомянул, того то не сказал. Как правило, ни один из этих вопросов не имеет прямого отношения к теме книги (например: «в данной книжке не нашлось места даже для оценки значения социалистического соревнования в годы первых пятилеток», стр. 127 журнала).

Но особенно возмущаются они тем, что события первых дней войны автор рассматривает «не с позиций ее последнего дня», а анализирует в сопоставлении с явлениями и фактами, предшествовавшими войне и обусловившими тот характер ее начального периода, который мы наблюдали в реальной действительности. Уместно спросить: с каких это пор стал называться марксистским метод, признающий за причину — последующие, а за следствие — предыдущие события? До сих пор это называлось в научном мире смешением понятий, которое ведет к абракадабре, а не к научным выводам.

Имеются в этой, с позволения сказать, критической статье

и еще более нечистоплотные приемы. Указав, например, на то, что Некрич ничего не сказал о японо-американских переговорах 1940-41 гг. (кои, скажу от себя, имеют к теме книги, примерно, такое же отношение, как пресловутая «бузина в огороде к дядьке в Киеве»), «критики» ставят риторически провокационный вопрос: «Что это — незнание фактов или преднамеренная фальсификация?»

После всего сказанного думаю, всем ясно, что никакая это, собственно, не критика. Это — нечестное, фальсифицированное обвинение, цели которого состоят в том, чтобы скрыть правду о войне и оболгать полезную, добросовестную книгу, настроить читателей и возможных издателей враждебно по отношению к ее автору.

Но у этой статьи есть и более злоеющее сходство. Она написана в духе «погромниц» периода апогея репрессий 1937-1938 г.г., написана мастерами этого «жанра» по недобрым канонам статей-доносов. На основании такого, как в этой статье «матерьяльчика» в те времена, когда сажали, не считаясь с емкостью тюрем, любой типично-невежественный следователь без излишних домислов мог бы «оформить» дело на «буржуазного перерожденца» и «врага народа», в данном случае — Некрича.

В связи с этим возникает вопрос: кто же авторы столь примечательной «критической» статьи?

2. Коротко об авторах

Г. А. Деборин и В. С. Тельпуховский хорошо известны в военно-научном мире. Но известны не своими учеными трудами, не научными открытиями, а умением всегда «соответствовать».

Чтобы увидеть, как это достигается, совершенно не обязательно залезать в дебри их прежнего творчества, например, сталинского периода. Достаточно пронаблюдать их «методу» на примере их отношения к труду Некрича. Противоположные взаимоисключающие оценки этого труда в зависимости от «ветра», который «дует» на данных «ученых», есть одна из нагляднейших иллюстраций их «научного» метода.

В научном споре обычно не принято брать под сомнение научную квалификацию оппонента. Но усердные «критики» решили не придерживаться этого стеснительного правила. В их

статье прямо заявлено, что А. М. Некрич не компетентен «в вопросах дипломатии, экономики, политики и военном деле» (стр. 136 журнала). Ну, что ж, поднимем перчатку, брошенную «критиками» и попробуем разобраться, кто и в чем не компетентен.

Из всех названных областей я возьму лишь ту, в которой моя личная компетентность вряд ли станет кем-либо оспариваться. Я имею в виду военное дело, которое, к тому же, для данного случая является наиболее важным. Труд-то ведь ВОЕННО-исторический!

Внимательно изучив книгу Некрича под этим углом зрения, я пришел к твердому убеждению, что в ней нет ничего, что давало бы право усомниться в компетентности автора в военном деле. Все военные вопросы освещены им грамотно, ясно выраженным пониманием главного — сущности происходивших военных событий. К сожалению, о «критиках» этого не скажешь. За какой бы военный вопрос они не взялись, — сразу выявляется их полная беспомощность. Я мог бы это продемонстрировать на всем их прошлом «научном» творчестве, но думаю, достаточно будет и того, что они сами продемонстрировали, взявшись с амбицией, но без соответствующей «амуниции» за критику — не книжки, запомните! — а очень серьезного военно-научного труда.

Г. А. Деборин разоблачил себя еще во время упоминавшегося выше обсуждения. Он уже там пытался, хотя бы частично, опорочить сообщаемые Некричем факты. В своем выступлении он вдруг взял да и ошарашил аудиторию «открытием», что 45 мм противотанковую пушку сняли с вооружения перед войной потому, что она была беспомощна против германских танков. Это «открытие» вызвало тогда бурное возмущение всего зала, более чем наполовину состоявшего из военных.

И неудивительно! Таким заявлением оратор продемонстрировал свою полную неосведомленность по части боевых свойств и 45 мм пушки и фашистских танков. Последние по своим боевым качествам не превосходили наши танки старых образцов (Т-26, ВТ-5 и ВТ-7), а значительная часть их была еще хуже. Что же касается 45 мм пушки, то она являлась грозным оружием против имевшихся у противника к началу войны боевых машин всех без исключения типов. Будучи уже в ходе

войны возвращена на вооружение, она прошла всю войну и оказалась достаточно эффективным средством борьбы даже с появившимися на полях сражений в 1943 году «тиграми» и «пантерами».

Этот горький опыт публичного выступления по вопросу, выходящему за пределы собственной компетенции, кое-чему все же научил. И не только Деборина, но и его соавтора. Они оба, видимо, поняли, что теперь нельзя, как в сталинские времена, не боясь разоблачения, публично высказывать нелепости, подобные тем, что преподносил, по его рассказу, Марк Твен читателям «Сельскохозяйственной газеты».

Они сообразили, что теперь им этого не позволят, и потому в своей статье попытались вообще обойти все конкретные вопросы военного дела. Но так как труд Некрича военно-исторический, они на каждом шагу спотыкаются на вопросах чисто военных и, сами того не понимая, уподобляются консультанту сельскохозяйственных знаний.

Вот один из очень ярких примеров. Извратив автора, рецензенты уцепились за вопрос, который, как им казалось, не имеет военной специфики и... сели в лужу. Им представлялось, что наличие достоверных данных о героизме советских воинов дает возможность полностью опровергнуть утверждения Некрича, что фашистским войскам не было оказано серьезного сопротивления на границе. Но они не поняли, да, в силу своей военной неподготовленности, и не могли понять, что, превращая данный вопрос в предмет спора, они, тем самым наглядно демонстрируют свою полную неосведомленность. Им думалось, что все просто: раз был массовый героизм, значит имелось и серьезное сопротивление. А дело-то куда сложнее. И Некрич это понимает, а его «критики» нет.

Им невдомек, что войска можно поставить в такое положение, когда никакой героизм не спасет. Если против танков, наступающих совместно с пехотой, вооруженной автоматами, под прикрытием мощного огня артиллерии и минометов и при массивной поддержке авиации, выставить пехоту, вооруженную трехлинейными винтовками и ручными противопехотными гранатами, то результат, с точки зрения исхода данного боя не будет зависеть от того, окажет эта пехота героическое сопротивление или разбежится, не оказав никакого сопротивления. Результат героизма выявится лишь впоследствии, когда

многими героическими боями враг будет измотан, обескровлен, морально надломлен. Кстати, именно об этом и сказано в том месте труда Некрича (на стр. 161), откуда его «критики» приводят обгрызенную ими цитату.

Но «критики», не поняв этого, ищут подтверждения своим взглядам даже там, где искать бесполезно. Именно в этих целях они обратились к служебному дневнику начальника гитлеровского генерального штаба и привели, следуя своему всегдашнему методу, «огрызок» из его записи за 24 июня: «Противник в приграничной полосе почти всюду... оказывает упорное сопротивление... Признаков оперативного отхода противника пока нет...» С торжеством оперируя этой кургузой записью, они и не подозревают, что даже в таком виде цитата бьет не по Некричу, а по ним самим, подчеркивая полную девственность их военных познаний. Каждому, кто хоть что-нибудь смыслит в военном деле, из этой записи становится ясным, что тогдашнее высшее руководство Красной Армии обстановки не понимало и вплоть до 24 июня ничего не предпринимало для вывода войск из-под наметившихся вдоль всей границы окружений. И не с огорчением, а с удовольствием констатирует этот факт Гальдер. Боялся он оперативного отхода наших войск, а не, хотя и героического, но неуправляемого сверху и потому — «неорганизованного их сопротивления».

И вот авторы, вооруженные столь «глубокими» военными познаниями, не только решились взяться за критику слабо доступной их пониманию очень серьезной военно-научной работы, но еще осмелились и «обличать» ее автора. Вы почитайте только, какой филиппикой завершают они свою статью: «Таким образом А. М. Некрич изменил научным принципам марксистской историографии, а, следовательно, и исторической правде. И, естественно, что его книжка оказалась находкой для идеологов империализма и принята ими на вооружение в целях враждебной пропаганды против Советского Союза и клеветы на него. Издательство «Наука» безответственно отнеслось к изданию этой политически вредной книжки» (стр. 140 журнала).

Вы чувствуете, какая сталь звучит в голосе «критики» при обращении к издательству «Наука»?! Кто-то ведь вдохновил их на этакий тон. Сами они на подобное не рискнули бы. И это — факт тревожный! Но чем он тревожнее, тем основа-

тельной надо разоблачить совершенно необоснованную и антиобщественную по своему характеру статью.

В этих целях целесообразнее всего на время забыть и о ней и о книге Некрича. Попробуем своими силами, независимо от обоих рассматриваемых документов, восстановить подлинные факты и события, о которых идет в них речь, в том виде, как они имели место в действительности.

3. Что же произошло в первые дни войны?

На рассвете 22 июня фашистская Германия, вероломно нарушив заключенные ею с Советским Союзом договоры «О ненападении» и «О границе и дружбе», обрушила мощный удар своими заблаговременно отмобилизованными и сосредоточенными вблизи советских рубежей вооруженными силами на войска наших западных приграничных военных округов. Еще не успели заглухнуть гремевшие многие годы по всей стране лозунги: «Ни пяди своей земли не отдадим!» «На удар ответим двойным и тройным ударом!» «Воевать — на чужой территории!» «Воевать — малой кровью!» — а на дорогах нашей Родины уже слышался грохот кованых сапог и лязг гусениц вражеских танков, ревели, завывали фашистские самолеты, бомбы штурмуя авиацию на аэродромах, войска, морской флот, города и села нашей страны.

Это был удар неимоверной силы. Но что было еще страшней, так это — моральное потрясение. Советские люди, чтобы сделать оборону своей страны неприступной, многие годы урезали свои потребности, отказывая себе даже в самом необходимом, и верили, что возможному нападению врага создана несокрушимая преграда,

«Нерушимой стеной, обороной стальной —
Разгромим, уничтожим врага», —

пели мы и верили, что так и будет. Но вот началась война, и с первых же ее часов мы увидели, что вся наша вера была мirageм, что на самом деле перед лицом вооруженного до зубов врага, мы оказались совершенно беззащитны.

Кто об этом забыл или этого не знает, тот никогда не поймет величия подвига нашего народа, сумевшего перешагнуть через страшный моральный надлом и, меньше, чем за

полгода, остановить и парализовать самую могущественную в мире военную машину. Тот же, кто знает все это, но хочет это скрыть от новых поколений наших граждан, тот — предатель своего народа и враг нашей действительной обороноспособности.

Те, кто не пережил страшных событий первых месяцев войны, пусть знают, что преодолевать моральный надлом не легче, чем идти с противопехотной гранатой и бутылкой с горючей смесью на танк врага. Первыми успехами гитлеровцы обязаны не только, а, может быть, и не столько внезапности своего нападения, сколько крушению в нашей армии и в нашем народе иллюзии о, будто бы, высокой обороноспособности страны. Но об этом мы получили возможность говорить лишь много лет спустя. А в то время развивалось стремительное и для большинства необъяснимое наступление фашистских войск.

Группа гитлеровских армий «Центр», действовавшая на направлении главного удара, за первые два дня продвинулась больше, чем на 200 км. Это она двигалась как раз там, где, по мнению «критиков», войскам противника было оказано «серьезное сопротивление». Кстати, за эти же два дня была окружена Белостокская группировка наших войск, в состав которой входило более половины всех войск Западного особого военного округа (ЗОВО). На пятый день головные части группы армий «Центр» вышли к Минску, а на восьмой — в районе этого города было завершено еще одно окружение крупной группировки войск ЗОВО.

К исходу третьей недели фашистские армии на этом направлении стояли у ворот Смоленска, завершив еще одно окружение значительных наших сил. Типпельскирх сообщает, что только на этом направлении в период с 22 июня по 1 августа 1941 года гитлеровцами взято в плен около 755 тысяч человек, захвачено свыше 6.000 танков и более 5.000 орудий. (К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М. 1956, стр. 178, 184, 185).

Соответствующих сведений по данным советского командования наша печать не публиковала. Имеется лишь сообщение маршала Советского Союза А. А. Гречко о том, что на всем советско-германском фронте «противнику удалось за три недели вывести из строя 28 наших дивизий, свыше 70 дивизий

потеряли от 50% и более своего состава в людях и боевой технике» (Военно-исторический журнал № 6, за 1966 г.).

Даже если признать, что Типпельскирх преувеличивает, это скорее всего так и есть, то и в этом случае не может возникнуть никакого сомнения (что и есть), налицо сокрушительный разгром всей нашей армии прикрытия (на 170 дивизий свыше 100 за три недели войны либо разгромлены, либо понесли потери, приведшие их в небоеспособное состояние). Такой решающий для оценки начального периода войны факт, почтенные «критики» вообще обходят, хотя о значении фактов для исторического исследования наговорили в своей статье немало прекраснотушных слов. Вот уж, воистину, «слова — для прикрытия неблагоприятных мыслей и дел».

За 24 суток (до 16 июля — дня занятия гитлеровцами Смоленска) фашистские войска прошли свыше 700 километров, считая по прямой, а не по дорогам. При этом они разгромили войска ЗОВО и подходившие им на помощь резервы и заняли очень выгодное для дальнейших действий стратегическое положение.

Наш Юго-Западный фронт (бывший Киевский особый военный округ), войска которого, удовлетворительно управляемые командованием и штабом фронта, проявили подлинные чудеса героизма и, серьезно затормозив наступление группы фашистских армий «Юг», вели в это время бои далеко к западу от Днепра, — в результате выхода противника в район Смоленска, оказались под угрозой удара во фланг и тыл с севера. Именно с этого времени над Юго-Западным фронтом начала все более грозно нависать опасность той трагедии, которую с полным основанием можно признать самой крупной катастрофой Великой Отечественной войны — КИЕВСКОГО ОКРУЖЕНИЯ наших войск.

Вопрос об этом окружении выходит за рамки данного, по необходимости несколько разросшегося, письма в редакцию, но я не могу не сказать о том, что с 16 июля, когда угроза самого страшного достаточно отчетливо потребовала эффективных мер, до начала развязки под Киевом прошло 38 дней, но за это время не было сделано ничего реального. Хуже того, все делалось, как нарочно, на руку противнику.

Командование и штаб Юго-Западного фронта понимали, что над руководимыми ими войсками нависает грозная опасность и пытались ей противодействовать .....

..... ния, все разумные фронтовые мероприятия отменялись, и войска фронта, в конечном счете, были поставлены в условия полной невозможности оказать врагу эффективное сопротивление. В результате, за месяц с небольшим наш Юго-Западный фронт был полностью разгромлен.

Командующий фронтом генерал-полковник Кирпонос, молодой талантливый генерал — начальник штаба фронта Тупиков, очень способный разведчик — начальник Разведотдела фронта полковник Бондарев и многие прекрасные штабные офицеры, после героического, но безуспешного сопротивления нападшим на командный пункт фронта танкам противника, ввиду явной угрозы плена покончили с собой. А те, кто не погиб в бою и не успел, либо не смог застрелиться, сложили свои головы в фашистской неволе или, пройдя через годы тяжелейших мучений фашистского плена, пережили еще и горечь обвинений в «измене Родине» и муки сталинско-бериевских застенков. Уцелела лишь часть тех офицеров фронта, кто во время нападения на командный пункт вражеских танков находились в войсках, выполняя задания командования фронтом. Таким образом уцелел, в частности, начальник оперативного отдела штаба фронта полковник (ныне маршал Советского Союза) И. Х. Баграмян.

Таковы факты, независимо от того нравятся они кому-либо или нет. Очевидно, что в свете этих фактов вопрос о том, было ли оказано серьезное сопротивление гитлеровцам на границе или нет, не может даже стоять. Вопрос можно поставить только так: почему наша страна, ДЛИТЕЛЬНО И НАПРЯЖЕННО готовившаяся к отражению вероятного нападения соединенных сил МИРОВОГО ИМПЕРИАЛИЗМА, в действительности в течение почти полугода НЕ МОГЛА сколько-нибудь эффективно ПРОТИВОДЕЙСТВОВАТЬ удару ОДНОЙ германской фашистской армии, поддержанной лишь частью сил трех стран-саттелитов? И что же: такой ход событий закономерен или, наоборот, были совершены ошибки, которые привели к столь плачевным результатам?

4. Были ли совершены ошибки при подготовке страны к войне?

Попробуем и на этот вопрос ответить, не прибегая ни к книге Некрича, ни к невнятному, избегающему конкретных

фактов словотворчеству ее «критиков». Возьмем в основу свидетельство того, чья компетентность в данном случае не может вызвать ни у кого сомнения. Я имею в виду Сталина. Так вот, — вопреки «критикам» вашего журнала, даже он понимал, что нельзя оказанное в первые дни войны нашими войсками сопротивление считать серьезным. По этой как раз причине он в течение всей войны (и даже после ее окончания!) придумывал более или менее удовлетворительные версии для объяснения, почему такового не было. Удовлетворительной, разумеется, он считал только такую версию, которая не ставила под сомнение его, Сталина, мудрость.

Об этом щекотливом обстоятельстве он был вынужден говорить уже в речи от 3 июля. Тогда он попытался объяснить наши поражения тем, что, во-первых, «...войска Германии были уже целиком отмобилизованы, и... находились в состоянии полной готовности, ожидая сигнала наступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам....» и, во-вторых, «...фашистская Германия вероломно и неожиданно нарушила пакт о ненападении...» Все, как видим, просто! ВО ВСЕМ ВИНОВАТЫ ФАШИСТЫ, и нечего об этом больше разговаривать. Надо бить фашистов и дело с концом!

Но Сталин не мог не видеть шаткости такой аргументации. Ведь из нее сам собой вытекает вопрос: а почему не отмобилизовались и не придвинули войска к границе заблаговременно мы сами? Кто в этом виноват?

Чтобы избежать столь рискованных вопросов, Сталин берет за подведение под свое объяснение причин поражения наших войск в начальный период войны более прочной «теоретической» базы. В приказе от 23 февраля 1942 года он рассуждает: «Теперь уже нет у немцев того военного преимущества, которое они имели в первые месяцы войны в результате вероломного нападения... Теперь судьбы войны будут решаться не такими привходящими моментами, как момент внезапности, а постоянно действующими факторами».

Впоследствии этот самооправдательный абзац сталинскими угодниками и подхалимами был превращен в «гениальное сталинское учение о ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩИХ ФАКТОРАХ, решающих судьбы войны», что на долгие годы парализовало всякую здоровую попытку осмыслить происшедшее в начале войны.

Однако, сам Сталин, видимо, продолжал чувствовать шаткость и неубедительность своих объяснений. Поэтому в докладе о 27-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции он снова возвращается к этому вопросу и выдвигает совершенно новую версию: «Нельзя также считать случайностью такой неприятный факт, как потеря Украины, Белоруссии, Прибалтики в первый же год войны, когда Германия, как агрессивная нация, оказалась более подготовленной к войне, чем Советский Союз. Было бы наивно объяснять эти факты личными качествами... Дело здесь — не в личных качествах, а в том, что заинтересованные в войне агрессивные нации... — и должны быть более подготовленными к войне, чем нации миролюбивые... Это, если хотите, — историческая закономерность...»

Вот ведь как! **ЗАКОНОМЕРНОСТЬ!!!**

Уж теперь не вздумайте винить своих **РУКОВОДИТЕЛЕЙ!** Они абсолютно не причем. Если агрессор вознамерился напасть, то можете даже и не трепыхаться — вначале он вас поколотит обязательно — и лишь потом в дело вступят постоянно действующие факторы, которые и решат судьбу войны. И ничего против такого хода событий не поделаешь: это ведь «историческая закономерность». А кто с этим не согласен, кто не хочет считаться с историческими закономерностями, тот — не марксист. Ну, а с ними — у нас разговор короткий и определенный.

Интересно, не из этой ли, с позволения сказать, «концепции» исходят почтенные критики, проявившие столь большое пристрастие к «закономерностям» и столь сильную неприязнь к рассмотрению событий под углом деятельности исторических личностей? Во всяком случае, для них, как для ярых защитников и пропагандистов всех «гениальных сталинских учений» такое поведение вполне оправдано.

Да, прав, трижды прав! был покойный президент США Кеннеди, когда заявил, что у победы много родственников, поражение же — всегда сирота круглая. Наши поражения 1941 года тоже не избежали сиротства. Все, кто имел тогда отношение к руководству войной, — родственники одной лишь победы. Ну, а поскольку поражение совсем не может быть без родных, то эта мало-почтенная роль великодушно предоставляется объективным причинам и закономерностям.

Думается, однако, что такой номер не сможет долго удержаться.

жаться на исторических подмостках. Даже Сталину не удалось полностью уклониться от личного признания своего родства с поражениями начального периода Великой Отечественной войны. На приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года он вынужден был, хотя и в присущей ему демагогически-лицемерной форме, все же признаться: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941-42 годах, когда наша армия отступала. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь... Но русский народ не пошел на это.. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!»

Забудем на минуту, что в то время, когда в Кремле, по предложению Сталина, пили за здоровье РУССКОГО НАРОДА, по его же приказу ЛУЧШИХ СЫНОВ ЭТОГО НАРОДА, телами своими затормозивших бег фашистской военной машины в 1941-42 гг., десятками и сотнями тысяч ГНАЛИ В СТАЛИНСКИЕ ЛАГЕРЯ. Помолчим сейчас об этом. Обратим внимание лишь на признание Сталиным того, что в начале войны у ПРАВИТЕЛЬСТВА ИМЕЛИСЬ ОШИБКИ, за которые ему следовало указать на дверь.

Каковы эти ошибки, в чем их суть, — Сталин не сказал. Больше того, он попытался еще раз усилить «теоретическую базу» под своим оправданием. В ответе на письмо полковника Разина, он, привлекая себе на помощь древних парфян и Кутузова, попытался представить поражение нашей армии в начале войны, как сознательный и планомерный отход с целью завлечь более сильного противника вглубь страны для решительного его разгрома. Эта бесстыднейшая фальсификация была превращена угодниками и подхалимами в «гениальное сталинское УЧЕНИЕ ОБ АКТИВНОЙ ОБОРОНЕ», что надолго умертвило творческую мысль в военном деле и в военно-исторической науке.

Только XX съезд КПСС, а затем ЦК КПСС в постановлении 30 июня 1956 года, указали на Сталина, как на главного виновника ошибок и просчетов, поставивших наше государство на грань катастрофы и приведших наши войска к потрясающим потерям первых месяцев войны. Полного раскрытия сталинских ошибок и просчетов в указанных материалах не дано. И это естественно. Такую задачу могут и обязаны ре-

шить лишь ученые — историки-марксисты, руководствуясь партийными решениями.

Этого, однако, не произошло. То ли в силу укоренившейся привычки ждать специальных «разжеванных» указаний, как понимать и как толковать то и иное событие, то ли по каким иным причинам, но исследований такого характера в открытой печати не появилось. Работа Некрича, в сущности, единственная, где сделана попытка возможно полнее выяснить суть ошибок и просчетов при подготовке страны к обороне.

К сожалению, именно эта самая первая попытка встретила столь необъективный прием на страницах редактируемого Вами журнала. Чтобы подойти вплотную к причинам этого, продолжим изложение фактов и событий, предшествовавших войне. И прежде всего, давайте вспомним, какой была конкретно обороноспособность нашей страны к моменту нападения на нее фашистских орд.

5. Общая характеристика обороноспособности СССР к началу войны

Известно, что обороноспособность страны определяется силой общественного и государственного строя, могуществом экономики данного государства и его вооруженных сил.

За годы первых пятилеток наша страна создала мощную разветвленную промышленность, в том числе — оборонную индустрию, способную полностью удовлетворить потребности в современном вооружении, боеприпасах и боевой технике. В сельском хозяйстве господствующим стал общественный сектор, опиравшийся на мощную машинную базу.

Красная Армия, по свидетельству иностранных военных специалистов, была в смысле технического оснащения, самой передовой армией в мире. Не уступала она в этом отношении и фашистскому вермахту.

И количественный и качественный анализ соотношения сил сторон убедительнейшим образом свидетельствует, что ни о каких материальных преимуществах противника не может даже идти речь. Сил у нас было вполне достаточно не только для того, чтобы остановить врага, но и для полного его разгрома в первый же год войны. Легенда о подавляющем техническом превосходстве противника, которую создал Сталин для самооправдания, и, которую до сих пор культивируют неко-

торые горе-историки, не выдерживает проверки цифрами и качественными характеристиками боевой техники.

Нельзя не напомнить здесь также и о том, что невероятным напряжением всех народных сил, из года в год сжимая ради этого во всех остальных статьях государственный бюджет, — мы за десятилетие в 30-х годах создали вдоль всей нашей старой западной границы — от Балтики до Черноморского побережья — сплошную полосу долговременных укреплений, превосходившую по своей мощности во много раз так называемую «линию Маннергейма» — ту самую линию, на прорыв которой советские войска затратили почти полгода и заплатили за это сотнями тысяч жизней.

Объективные данные, за которые так горячо ратуют (на словах) почтенные «критики», целиком и полностью были на нашей стороне. И видимо, истинные причины поражений придется искать там, где очень не хочется авторам статьи — В СУБЪЕКТИВНЫХ ДАННЫХ, в людях, которые руководили подготовкой страны к обороне и обязаны были управлять войсками, когда на нее неожиданно обрушился мощный удар.

Хорошо известно, что для победы нужны не только соответствующие силы и средства. Необходимо еще и умение их применять — нужна современная военная теория, надо, чтобы войска были обучены в духе этой теории, нужны командные кадры, способные управлять войсками по-современному. К сожалению, у нас к началу войны ничего этого не имелось. В этом и заключена главная причина наших поражений в начале войны.

6. Командные кадры и подготовка войск

Об избии командных кадров во времена сталинского лихолетья писалось немало. Сейчас любому, кто интересуется данным вопросом, известно об уничтожении, как «врагов народа» и «агентов иностранных разведок» — М. Н. Тухачевского, В. К. Блюхера, А. И. Егорова, И. П. Уборевича, И. Э. Якира, а также командовавших военно-морским флотом В. И. Орлова и В. П. Викторова; — о гибели ВСЕХ командующих военными округами и многих крупных организаторов партийно-политической работы в армии и на флоте.

Известно о том, что из армии были устраниены: — ВСЕ

командиры корпусов; ПОЧТИ ВСЕ КОМАНДИРЫ ДИВИЗИЙ, БРИГАД И ПОЛКОВ; ПОЧТИ ВСЕ члены военных советов и начальники политуправлений военных округов; БОЛЬШИНСТВО комиссаров корпусов, дивизий, бригад; около ОДНОЙ ТРЕТИ комиссаров полков; не поддающееся учету число нижестоящих командиров и политработников. Были также очень сильно прорежены ряды начальников штабов и штабных офицеров во всех перечисленных инстанциях — военных округах, соединениях и частях.

Массовые аресты производились, кроме того, в Генеральном Штабе, Наркомате обороны, Военных Академиях, в Разведке и Контрразведке. Арестовывали также средний и младший начсостав. При этом в ряде случаев по одной и той же должности было по несколько «заходов».

По самым скромным подсчетам, общие предвоенные потери в высших командных кадрах выражаются в громадных цифрах. И основная масса этих потерь приходится на наиболее опытные, занимавшие высокие должности, военные кадры.

Ни в одной войне, включая и Вторую мировую войну, ни одна армия в мире не несла таких потерь в высшем и старшем командном составе. Подобные потери не могут быть следствием даже полного военного разгрома. Во всяком случае, высший и старший командный состав капитулировавшей фашистской Германии и империалистической Японии понесли куда меньшие потери.

Но это — все факты известные. Их приводят многие авторы. Но при этом все они подчеркивают лишь моральную сторону — тот факт, что честных, ни в чем неповинных людей расстреливали, гноили в лагерях. Однако, здесь еще и другая сторона этого дела. И она не менее важна. Говорят же о ней очень мало и невнятно.

Эта, вторая сторона очень ярко выявляется на примере двух названных выше профессоров Академии Генерального Штаба. Ни один из них до середины 30-х годов не являлся на нашем военно-теоретическом небосводе звездой первой величины. А между тем в первую очередь были уничтожены такие выдающиеся военные теоретики и практики военного строительства страны социализма, как Тухачевский, Уборевич, Якир. За ними пошли другие, чьи имена были известны в военной теории или в практической военной деятельности.

Ценности типа Кулика не трогали, их продвигали по службе и повышали в воинских званиях, до маршальских включительно. Арестовывали же, в подавляющем большинстве тех, кто проявил храбрость и незаурядные военные способности еще в первую мировую войну, участвовал в февральской и октябрьской революциях, проявил себя, как талантливый военачальник в гражданскую войну. Это были командиры, много и плодотворно учившиеся, глубоко осмысливавшие прошлый боевой опыт, изучавшие ход развития современной жизни, практику боевой учебы советских войск, иностранный военный опыт и исходя из этого всего, строившие наши вооруженные силы, создавшие стратегию и тактику вооруженной защиты страны социализма, находившейся в капиталистическом окружении. Это были люди, разработавшие самую передовую в мире военную науку, создавшие армию, которой не было равной на земле. Это были коммунисты, воспитанные Лениным и его лучшими учениками. ЭТО БЫЛ КОСТЯК, ОСНОВА АРМИИ НОВОГО ТИПА.

И именно по этому костяку был нанесен сокрушительный удар. При этом были ликвидированы не только люди, образовавшие этот костяк. Подвергалось уничтожению и дело, которому они отдали все свои силы и незаурядный военный талант. Была выкорчевана созданная ими военная наука, сломаны и выброшены те научные принципы, на которых зиждилось до этого строительство советских вооруженных сил.

Но не только в этом гибельность тех диких репрессий. Ни с чем несравнимы те вредные последствия, кои были вызваны массовым и почти одновременным освобождением высоких должностей. Обезглавленные полки, бригады, дивизии, корпуса, военные округа, надо было кем-то возглавить. И вот началось так называемое «смелое выдвижение». Были, разумеется, среди «выдвиженцев» и честные, умные, военно-одаренные люди, хотя и недостаточно подготовленные для занятия тех должностей, на которые их выдвигали. Но очень большое количество их вербовалось из подхалимствующих бездарностей и просто малограмотных в военном отношении (а нередко — и в умении читать и писать) людей. Вчерашний только-только начинающий комроты вдруг «вырастал» до комбата, а то и до комполка: комбат становился комдивом. В таких условиях в командной среде пышно расцвел подхалимаж, карьеризм:

клеветники и «стукачи» становились «верными учениками» Сталина.

Именно такие «кадры», — преимущественно малограмотные в военном и политическом отношении, да и в части общей грамотности, ЗАПОЛНЯЛИ К НАЧАЛУ ВОЙНЫ КОМАНДНЫЕ ДОЛЖНОСТИ, а офицеры, ОКАНЧИВАЮЩИЕ ВОЕННЫЕ АКАДЕМИИ, ОСЕДАЛИ в обезлюдевших высших штабах.

Приведу пример, достаточно наглядно характеризующий положение с военной подготовкой командиров. В ходе одного из инспектирований была проверена деловая квалификация 225 командиров полков. Оказалось, что только 25 из них окончили военные училища. У остальных за плечами имелись только курсы младших лейтенантов. Можно себе представить, что творилось ниже.

Чему же могли учить подчиненных подобные «кадры», тем более — в условиях, когда всё, чему учили до тех пор, признавалось вредительским! Кругом шла импровизация, исходившая либо от военно неграмотных людей, либо от тех, кто боялся, как бы его не обвинили в проскакивании «вредительских» взглядов и установок. Импровизировали все. Даже Нарком Обороны не нашел ничего лучшего, как самолично заняться обучением пулеметчиков стрельбе из пулемета. И «Красная Звезда», без тени смущения, публиковала статьи и фотографии, прославлявшие подобную «деятельность» Наркома.

Солдаты, видя слабую подготовку своих начальников, отнюдь не проникались к ним доверием, а всячески раздуваемый психоз командирского «вредительства» порождал дополнительное недоверие к комсоставу, подрывая основу основ всякой армии — воинскую дисциплину. Таким образом, ВОЙСКА КРАСНОЙ АРМИИ, лишённые своих высокообразованных, опытных и авторитетных командиров, ВСТУПИЛИ В ВОЙНУ ВО ГЛАВЕ С ЛЮДЬМИ, СЛАБО ПОДГОТОВЛЕННЫМИ К КОМАНДОВАНИЮ, а нередко и вовсе к нему неподготовленными. При этом войска представления не имели о ведении боевых действий по-современному. Хуже того, ОНИ НЕ СЛЫХАЛИ ДАЖЕ О НОВЫХ СПОСОБАХ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ.

Наш народ жестоко заплатил за то, что отдал на растерзание сталинско-бериевским заплечных дел мастерам свои ценнейшие кадры, своих лучших сынов. Колоссальные, ни с

чем несравнимые потери, затронувшие каждую советскую семью, — результат, прежде всего, той страшной «чистки», которая была проведена Сталиным среди руководящих кадров во всех областях нашей государственной и общественной жизни. Если бы эти кадры к началу войны продолжали оставаться на своих постах, наши потери в войне были бы несравненно меньше. Их могло и вообще не быть, так как Гитлер мог и не решиться «скрестить шпагу» с плеядой наших блестящих известных всему миру, полководцев.

К сожалению, народ и партия слепо верили Сталину. У основной массы наших людей не возникало даже мысли о том, что с обороной, в которой было проявлено народом столько самоотверженной заботы, может быть что-то неладное. Давайте же хоть сейчас с открытыми глазами посмотрим, с чем и как мы встретили войну.

7. Как наши войска были подготовлены к отражению внезапного нападения врага

В военно-исторической литературе второй половины пятидесятых и первой половины шестидесятых годов неоднократно поднимался вопрос: были ли у руководства советской страны достаточные данные, свидетельствовавшие о подготовке гитлеровской Германии к нападению на нас. Некрич в своей книге убедительно показал, что были. «Критики» пытаются некоторые из этих доказательств опровергнуть. Пойдем им навстречу.

Предположим, — НИКАКИХ данных о подготовке Германии к нападению на СССР не было. Разве это хоть на йоту снижает ответственность руководства страны за неготовность к отражению внезапного нападения врага? Я не говорю, что в этом случае возникает ответственность также за отсутствие разведки. Но и без нее — разве имело право руководство не считаться с мировым опытом?

До нападения на нашу страну Германия совершила нападение на Польшу, Бельгию, Голландию, Данию, Норвегию, Грецию, Югославию. И везде она нападала внезапно, вероломно нарушая межгосударственные договоры. И везде приемы действий были одни и те же: внезапный авиационный удар по аэродромам с целью уничтожения авиации противной сто-

роны на земле и удар танковыми клиньями на нескольких направлениях; затем стремительное развитие этих ударов при массовой поддержке авиации. К этому-то разве мы имели право не подготовиться, даже при всем нашем уважении к межгосударственным договорам?!

Вот давайте и посмотрим, как решались вопросы такой подготовки.

1. Аэродромная сеть в западных военных округах была развита очень слабо и не обеспечивала нормального размещения многочисленной авиации этих округов. Новое аэродромное строительство и реконструкция старых аэродромов, видимо, из боязни вызвать у Гитлера подозрение, что мы готовимся к нападению на него, велись не очень интенсивно, и к началу войны наша авиация продолжала размещаться весьма скученно на старых, давно и хорошо известных Германии аэродромах.

2. Зенитные средства в войсках имелись в мизерных количествах. Большая их часть была мало эффективной. В силу этих причин войсковой ПВО у нас фактически не было. Поэтому войска, при отсутствии надежного авиационного прикрытия, оказывались совершенно незащищенными от авиации противника.

Не организована была и ПВО аэродромов. Поэтому в случае внезапного нападения неприятельских эскадрилий, мы рисковали НАВЕРНЯКА остаться без авиации.

3. Перед самой войной была резко ослаблена способность войск к борьбе с танками: сняли с вооружения 45 мм противотанковую пушку и противотанковые ружья. Несколько раньше была снята с производства только что созданная нашими замечательными конструкторами многоцелевая 76 мм пушка «ЗИС». Эту пушку намечалось поставить, в частности, и на вооружение истребительно противотанковых частей. Но по прихоти Сталина, наваянной военно-неграмотными людьми, замечательная пушка была отвергнута, и конструкторам дали задание разрабатывать другую — 107 мм противотанковую пушку. Эта последняя так никогда и не была создана, а 76 мм «ЗИС», принятая на вооружение в ходе войны, верно служила войскам вплоть до окончания войны и проявила себя с самой лучшей стороны. Короче говоря, у нас было все, чтобы достойным образом встретить танки врага. Встречать же их

пришлось, благодаря «заботам» правительства и верховного командования, ручными противопехотными гранатами и бутылками с горючей смесью.

4. Наши танковые войска, в связи с затеянным перед войной их реформированием, встретили войну в небоеспособном и малоспособном состоянии.

5. Укрепленные районы вдоль старой границы, построенные в 30-е годы, были не только разоружены, но и уничтожены: огневые сооружения частично передали колхозам и совхозам под овощехранилища, а остальные взорвали. Вдоль новой границы стали строить новую полосу укреплений, но, видимо, не желая вызвать неудовольствие гитлеровцев, вели строительство столь неторопливо, что к началу войны ничего готово не было.

Таким образом, на пути вероятного наступления врага на нашей территории не имелось ни одного заблаговременно подготовленного оборонительного рубежа, хотя народных средств на их строительство было затрачено колоссально много.

6. Но шедевром всех недомыслий, равнозначных прямому предательству (но называемых почтеннейшими «критиками» почему-то снисходительно: «ошибками», «просчетами» и «недостатками»), является вопрос приведения войск в боевую готовность. Покойный министр обороны СССР маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский в «Военно-историческом журнале» № 6 за 1961 год пишет: «Войска продолжали учиться по-мирному, артиллерия стрелковых дивизий была в артиллерийских лагерях и на полигонах, зенитные средства — на зенитных полигонах, саперные части — в инженерных лагерях, а «голые» стрелковые полки дивизий — отдельно, в своих лагерях. При надвигавшейся угрозе войны эти грубейшие ошибки граничили с преступлением». (стр. 6-7, подчеркнуто мною. П. Г.)

Как видим, одно то, что войска в условиях надвигавшейся угрозы войны, продолжали учиться и располагаться по-мирному, — граничит с преступлением. А как же назвать весь показанный выше «букет»? Но ведь и это еще не все. Что можно сказать, например, о том, что план прикрытия, разработанный на случай внезапного нападения врага, не был введен в действие, а группировка войск была столь несуразной,

что развязавший войну противник мог громить эти войска по частям!

Маршал Советского Союза А. А. Гречко, анализируя то, что произошло в первые дни войны, пишет, что в результате слабости нашего первого эшелона и большого удаления второго эшелона от первого (300-400 км) противнику, имевшему в составе своего первого эшелона около 63% всех соединений «Восточного фронта» удалось «нанести мощный первоначальный удар значительно превосходящими силами, захватить инициативу и атаковать войска наших приграничных округов по мере подхода их из глубины, по частям». (Военно-исторический журнал, № 6, 1966 г.).

Перечисленным не исчерпываются все так называемые «просчеты» в подготовке страны к обороне. Это — лишь то, что можно отнести к самым крупным из них. Но имеется еще много мелких. Чтобы вскрыть их все, надо провести ряд исследований. Здесь же можно лишь продемонстрировать, что мною отнесено к этим «более мелким просчетам».

Вот первый. Свыше половины войск Западного особого военного округа дислоцировалось в районе Белостока и западнее, то-есть на территории, которая глубоко вклинивается в территорию вероятного противника. Такая дислокация была бы оправдана только в одном случае, если бы эти войска были предназначены к внезапному переходу в наступление. В противном случае они сразу оказывались в условиях полуокружения. Противнику стоило лишь нанести встречные удары у основания нашего вклинения, и окружение становилось полным. Получается, что мы сами загнали эти войска в мешок.

Второй пример. Созданные для войны запасы вооружения, боеприпасов и других материальных средств разместили вблизи от госграницы, даже впереди вторых эшелонов военных округов. С началом войны противник, естественно, захватил почти все эти запасы.

Примеров подобного рода можно привести сколько угодно. Таковы факты. Их можно только опровергнуть, если, под видом фактов я преподнес вымысел, или что-то извратил, но нельзя их замалчивать или отмахнуться от серьезного их рассмотрения такими заявлениями, какие делаются почтенными «критиками» Некрича: «Стремление односторонне и преувеличенно подчеркивать недостатки, ошибки, упущения и ума-

лять, замалчивать большие свершения, самоотверженность и героизм советского народа — не новый прием его открытых врагов и мнимых друзей».

Да разве можно преувеличивать то, что описано выше?! Целой серией неразумных (или преступных — это без специального расследования еще не ясно) действий войска были поставлены в условия невозможности оказать врагу сколь бы то ни было эффективное сопротивление, а я должен писать о больших свершениях, происходивших в другое время и совсем по другому поводу! ШУТНИКИ!!!

Нет, уж лучше я возьму на себя еще и задачу показать какие последствия имело все описанное в ходе событий первых дней войны.

8. Что произошло в первые дни войны?

На рассвете 22 июня все ТРИ воздушных флота Германии одновременно перелетели советскую государственную границу и обрушили мощный удар на все аэродромы наших западных приграничных военных округов. Ввиду нашей полной неготовности к отражению такого удара, потери в материальной части оказались потрясающими. Большая часть самолетов была уничтожена на земле. А так как аэродромы были тоже сильно повреждены, это серьезно затруднило действия и тех наших самолетов, которые уцелели. Стремительное же продвижение обеспечивало фашистским войскам быстрый выход в районы нашего аэродромного базирования. В результате все, что не могло взлететь, пришлось уничтожить нам самим. А взлетело, ой, как мало! В течение первых трех-пяти дней мы лишились до 90% своей авиации. В силу этого последняя не смогла оказать никакой помощи своим войскам, которые как раз тогда очень в этом нуждались.

Немецкие наземные войска, создав на направлении своих ударов подавляющее превосходство в силах и средствах, на рассвете того же дня перешли советскую государственную границу. На пути этих войск, благодаря «гениальному предвидению» «великого вождя и учителя», оказались лишь незначительные силы пехоты, «очищенные» не только от танков, направленных на формирование мехкорпусов, но и от артиллерии, зенитных средств и саперов, находившихся в это время

далеко в тылу в своих специальных лагерях и на полигонах. К тому же эта «голая» пехота не была приведена в боеготовность. Так что же она могла поделаться с массой внезапно навалившихся на нее танков и пехоты врага, наступавших при поддержке мощного огня артиллерии и минометов.

Кто чуть-чуть представляет себе войну, тот должен понять, какой **действительный героизм** был нужен, чтобы быстро опомниться от потрясающей, не мелькавшей до этого даже в воображении, внезапности и разрушительности вражеского удара, и не разбежаться в панике, не поднять руки, а вступить в бой с танками, имея в руках трехлинейную винтовку и ручные противопехотные гранаты. При этом начать воевать приходилось без дозволения вождя, что само по себе в те времена требовало немалого мужества. Москва, как известно (но далеко не всем!) только через 6 часов после начала гитлеровской агрессии дала наконец разрешение на открытие огня, а войска (какая «недисциплинированность»), открыли его сразу, как только увидели врага.

С каждой минутой положение нашей пехоты становилось тяжелее. Она несла неисчислимые потери и расходовала боеприпасы, не имея нормального их пополнения. Подмога к ней не подходила, а противник все наращивал силы, вводя вторые эшелоны и резервы. С рассветом у наших войск появился новый, очень страшный враг — фашистская авиация, которая выполнив задачу подавления наших ВВС на аэродромах, полностью переключилась на поддержку наземных войск. Отсутствие у нас войсковой ПВО позволило вражеской авиации действовать безнаказанно, нагло-издевательски снижаясь до бреющих полетов. **ИМЕННО ТАК БЫЛО!!!**

Но ретивые «критики» ничего этого и знать не хотят. Им подавай «героизм» и «великие свершения». Изложение действительных фактов — это для них «одностороннее» и «тенденциозное» подчеркивание «ошибок» и «недостатков», «прочетов» и «упущений». — Ну, что ж, пойдем, хотя бы частично, навстречу и расскажем... нет, не о великих свершениях — мы в начальном периоде войны их что-то не заметили. Если у критиков имеются на сей счет какие-либо данные, просим просветить и нас. Мы же расскажем здесь о героизме — героизме подлинном, примеров его в начальный период войны — бесчисленное множество.

Правда, это не тот казенно-напыщенный, так нравящийся ко всему равнодушным «критикам», героизм. Это — героизм непревзойденный, проявленный в те страшные дни бесчисленными героями, оставшимися в полной безвестности. Эти люди не бежали, со знаменем в руках, к поверженному рейхстагу, не кричали перед кинообъективом: «Вперед, за Сталина!». Они, будучи почти безоружными, грудью заслонили Родину и молча, без ложной патетики, отдали за нее свои молодые жизни. Об их-то героизме я и хочу рассказать.

Благодаря «мудрому» руководству, наша пехота осталась без артиллерийских противотанковых средств, и солдат открывал огонь по танкам из винтовки — бронебойной пулей. Если не было бронебойной, использовал обычную, ведя огонь по смотровым щелям. Он подрывал танк связкой ручных гранат или поджигал его, бросая ему на желюзи бутылку с бензином и, чаще всего, платил за это жизнью. Именно из этой солдатской инициативы родилась идея ручной противотанковой гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Эта же инициатива указала на необходимость возвращения на вооружение противотанковых ружей.

Не мог смириться солдат (в это понятие я включаю и сержантов и офицеров-фронтовиков) и с безнаказанностью вражеской авиации. Он ведет по ней одиночный и групповой огонь из винтовок и ручных пулеметов. Он снимает колесо с повозки и пристраивает на него станковый пулемет, создавая таким образом, «зенитное сооружение» с круговым обстрелом.

Да, это был действительно героизм. Но рассказ о нем, полагаю, вызовет не только чувство гордости за наших людей, но и ненависть к тем, кто поставил их, этих людей в условия, в которых защита от врага родной земли, советского народа не могла быть обеспечена даже массовым самопожертвованием.

Героизм был действительно массовый. И не только в пехоте, но и во всех родах войск, в специальных войсках и тылах. Но, несмотря на это, оказанное врагу, сопротивление было явно недостаточным. Это авторам безответственной и безпринципной статьи не мешало бы понять и запомнить.

Авиация, будучи подавлена на аэродромах, не смогла взлететь и потому не оказала противодействия немецкой авиации. Однако, в своей основной массе, летчики были готовы к

свершению подвигов. А те, кому из них удалось подняться в воздух, доказали это всему миру. Подвиги Гастелло и Талалихина родились именно в те страшные дни. Но подавляющему числу подняться в воздух попросту не удалось. И, отходя на восток пешком, многие плакали от злости, глядя, как вражеские самолеты безнаказанно терроризируют войска и население. Они не знали, куда глаза девать от стыда. А им-то, ведь, стыдиться было нечего. Их поставили в условия бездействия. Как видим, не то что слабое, а почти полное отсутствие сопротивления уживается с героизмом.

Аналогичное произошло и с артиллерией. Ей, как и всем другим войскам, находившимся в специальных лагерях и на полигонах Москва утром 22 июня подала команду немедленно возвращаться в свои соединения. Просьбы отложить начало движения до наступления темноты были отвергнуты. Нарком обороны еще раз, и при том — в самой категорической форме, приказал начать движение немедленно. Это, мягко говоря, преступное распоряжение особенно губительно отразилось на артиллерии. Большая часть ее была в то время на узкой дороге. Конечно, каждый может представить себе даже сейчас, что происходило, когда на растянувшуюся по узкой дороге малоподвижную колонну конной артиллерии, совершенно не имевшую в своем составе зенитных средств, налетели пикирующие бомбардировщики и штурмовики.

Нередкими были случаи, когда командиры артиллерийских полков, потерявшие в результате нескольких, следовавших друг за другом, воздушных налетов, весь свой полк, пустили себе пулю в лоб.

Таким образом, в результате «мудрых» руководящих указаний наша пехота и танки остались не только без воздушного прикрытия и поддержки, но вынуждены были действовать и без помощи артиллерии. И, опять-таки, слабая артиллерийская поддержка войск, не противоречит тому, что артиллеристы действовали героически. Потеряв тяговую силу, они тащили уцелевшую материальную часть на себе, добывали тракторы и лошадей в колхозах, отбивали тягачами орудия и минометы у врага — и дрались до последнего снаряда, до последнего патрона, до последней гранаты. И уж не они, разумеется, виноваты в том, что в целом сопротивление врагу было слабым. Они сделали все, что могли, и даже — невозможное,

но их поставили в условия, исключавшие возможность эффективного сопротивления.

А танкисты! Добровольно на костер шли во имя РОДИНЫ! Это не оговорка, и не литературный прием. Действительно, — на костер! Дело в том, что наши танки старых конструкций (как, впрочем, и германские того времени) очень легко загорались. Попадание в танк снаряда, как правило, вызывало немедленное его воспламенение. И огонь охватывал машину столь бурно, что экипаж, чаще всего не успевал ее покинуть.

Очевидно, что с такими танками, при отсутствии огневого сопровождения артиллерии, без поддержки авиации и без зенитного прикрытия, следовало придерживаться только одной тактики, пользуясь высокой подвижностью танков, в темное время суток, стремительно выходить на пути неприятельского наступления, занимать выгодные рубежи, и, окопав, и хорошо замаскировав свои машины, встречать открыто движущиеся танки и пехоту противника высоко эффективным огнем танков с места, из укрытия.

Многие на местах понимали это, но Москва требовала «танковых контрударов и контратак». И вот наши танковые лавы выходили в открытое поле — прямо навстречу шквалу огня ничем не подавленных танков и артиллерии противника, под удар его, не встречающей никакого противодействия, авиации. Несмотря на это, наши танки безостановочно шли вперед. И, вопреки здравому смыслу, некоторые все же дорывались до врага. И наносили ему большой урон. Но из таких атак редко кто возвращался. Только столбы черного дыма, пылающие машины и их обугленные остовы напоминали о разыгрывающейся трагедии, об атаках беспримерного мужества и героизма советских танкистов.

Иностранные исследователи опыта минувшей войны приходят к выводу, что при потерях, близких к 25% танковая атака захлебывается, и уцелевшие танки отходят. Советские же танкисты продолжали атаковать, пока оставалась хоть одна машина. Это ли не героизм! В течение первых двух-трех недель войны западные военные округа потеряли до 90% танков и более половины танкистов.

Вот какие люди встретили внезапный удар враг. Этим бы людям да хоть немного разумного руководства! К чему бы это

привело, можно видеть на примере Киевского особого военного округа. Командование и штаб этого округа сумели сохранить управление в своих руках и не потеряли чувства подлинной ответственности. Поэтому все тяжкие последствия преступной подготовки к войне и неразумного вмешательства главного командования в те дни, когда она только началась, были несколько смягчены. Привело это к тому, что противник на данном направлении понес громадные потери и смог подойти к Днепру только во второй половине августа, то-есть продвигался намного медленнее, чем на других направлениях — со средним темпом всего около 8 км в сутки. Этот определенный успех мог явиться хорошей исходной базой для ликвидации опаснейшего продвижения противника в центре и на левом фланге его «Восточного фронта». Но для этого нужно было разумное руководство нашего главного командования или хотя бы его невмешательство. К сожалению, оно вмешалось в полной мере неразумно, если не преступно, и... произошла киевская трагедия. Достигнутый героизмом войск успех был обращен во вред общему делу сопротивления врагу, в гибель всей нашей военной группировки на Украине.

Сталинский режим, если у него и был когда-нибудь разум, под влиянием внезапного удара гитлеровцев полностью его утратил.

В первый день войны нарком обороны отдал войскам западных военных округов ТРИ, в корне противоречащих друг другу директивы. К их выполнению никто даже и не приступал, так как они совершенно не соответствовали обстановке. Однако, сумятица, растерянность, отчаяние от безнадежности при таком командовании были только во много раз усилены в исключительно сложной и без того обстановке. Самим фактом своих директив главное командование лишило возможности командующих округов предпринимать что-либо по своей инициативе.

Гибельность положения возрастала тем более, что, потеряв разум, сталинский режим не утратил своей свирепости. За инициативу, которая не нравится «вождю» или ближайшему его окружению, можно было лишиться головы.

Свою свирепость этот режим не замедлил продемонстрировать как можно нагляднее. Объектом был избран штаб Западного особого военного округа. Скорый и бесспорно непра-

вый суд приговорил командующего войсками, начальника штаба и начальника связи округа к расстрелу. Приговор немедленно привели в исполнение, о чем и было сразу же доведено до войск. В результате этого: — важнейшее направление, где развивался главный удар наступавшего врага, осталось без руководства. Пусть это руководство было слабым — об этом сказано выше. Но его, особенно в ходе уже идущих боевых действий, надо было спокойно и продуманно укреплять, а не громить, еще более раздувая недоверие всех ко всем.

Остальные командующие войсками фронтов были приведены этим процессом, естественно, в шоковое состояние. Кто же рискнет — после такого суда! — оспорить, пусть даже самое глупое, распоряжение Москвы или в чем бы то ни было проявить инициативу, не получив предварительного одобрения?

А положение можно было спасти только разумным проявлением инициативы снизу, в сочетании со спокойно продуманной корректировкой действий войск сверху. Ничего этого, к сожалению, не было. Москва, очнувшись от первого психического потрясения, продолжала свирепствовать. Войска, выдвигаемые из глубины страны, из тыла, на закрытие брешей, получали распоряжение «расстреливать предателей, открывших фронт врагу». И вот, героев, которых я только что описывал, людей, многие дни и ночи, беззаветно сопротивлявшихся врагу и с трудом прорвавшихся к своим — встречали расстрелами. Под расстрел попадали солдаты и офицеры службы тыла, пехотинцы, оставшиеся без материальной части летчики, чудом спасшиеся из горящих танков танкисты, артиллеристы, сотни километров тащившие на себе уже бесполезные — без снарядов! — орудия. А на следующий день, те, кто расстреливал, сами попадали в окружение и в дальнейшем их могла ожидать судьба расстрелянных ими вчера.

Только отсутствие сплошного фронта, да полная дезорганизованность всей системы управления спасли от поголовного бессмысленного истребления сотни тысяч людей. Тех, кто уцелел, в покое не оставили. Для них была изобретена, как позорное пятно на всю жизнь, презрительная кличка «окруженец». Основная их масса прошла через лагерь и штрафные части.

Мы знаем, что после окончания войны все возвращавшиеся

из плена попадали в сталинско-бериевские лагеря, и многие провели там годы. Даже возглавлявший героическую оборону Брестской крепости майор Гаврилов был освобожден из лагерей только после XX съезда партии. Если сопоставить эти факты со всем описанным выше, то выходит, что Сталин и его ближайшее окружение буквально с первых дней войны и до ее последних часов были озабочены больше всего отысканием «козлов отпущения» и уничтожением или приведением к молчанию живых свидетелей трагических событий начала войны.

Таковы героические дела советских воинов и «удивительные» поступки верховного руководства страны. Все изложенное невольно наталкивает на очень тревожный вопрос — а так ли уж полезна была для нашей страны предвоенная внешняя политика сталинского руководства?

9. Что было достигнуто сталинской «оттяжкой войны» на два года

Рассмотренные события, как видим, отнюдь не утешительны. Но в наиболее распространенных исторических трудах, ведущих свою родословную от сталинских времен, нас убеждают, что могло быть значительно хуже, если бы не... «мудрая внешняя политика» советского правительства. Главное достижение внешней политики авторы таких трудов видят в том, что она не позволила уже в 1939 году канализировать гитлеровскую агрессию в сторону Советского Союза и дала нашей стране выигрыш в два года.

Я не специалист в дипломатии, но, зная прошлое, невольно задаю вопрос: а что такое выигрыш времени? До сих пор считалось, что определить это можно лишь оценкой сделанного. У нас же почему-то ограничиваются голословными утверждениями: «Мы выиграли два года и использовали их для укрепления обороноспособности страны». Думаю, что это заявление никого удовлетворить не может. Чтобы выяснить действительно ли произошел выигрыш, или же предоставленное нам историей время было безнадежно упущено, надо посмотреть, что за эти годы успели и чего не успели из того, что должны были успеть.

Итак, что же мы успели? — 1. Отодвинуть государственную границу на запад — на 200-300 км. и, в связи с этим, по-

спешно уничтожить старые укрепленные районы — всю огромную, дорогостоящую оборонительную линию от моря и до моря. 2. Удвоить численность своих вооруженных сил. 3. Наглядно продемонстрировать не только перед гитлеровцами, но и перед всем миром неготовность нашей армии к ведению современной войны (в советско-финском военном конфликте). 4. Расформировать танковые батальоны стрелковых дивизий и начать формирование мех. корпусов. 5. Сосредоточить мобилизованные запасы в угрожаемой близости от государственной границы. 6. Снять с вооружения 45 мм противотанковые пушки и противотанковые ружья, а с производства — 76 мм пушки «ЗИС». 7. Упрятать в тюрьму ряд ведущих конструкторов вооружения и боевой техники, а некоторых даже расстрелять, в том числе автора знаменитой «Катюши».

Ну, а чего мы не успели? — 1. Произвести перестройку промышленности на военный лад. Даже мобилизационного плана не было. Это дикость с точки зрения военной науки, но факт остается фактом — приняли его только в июне 1941 года, перед самой войной. 2. Организовать массовый выпуск новой боевой техники и вооружения, законченных конструкторской разработкой в 1939 году. Не запустили в серийное производство новые истребители, пикирующие бомбардировщики и штурмовики, которые по своим тактико-техническим данным значительно превосходили соответствующие немецкие машины. Тоже самое произошло и с нашими отличными танками «Т-34» и «КВ»: они тоже не были запущены в серийное производство. Что же касается «Катюши», то ее вообще отложили, не создав даже опытного образца. Первая батарея этих грозных боевых машин начала создаваться уже в ходе войны. 3. Расширить и усовершенствовать аэродромную сеть. 4. Сформировать и обучить мех. корпуса. 5. Привести войска в боевую готовность. 6. Построить укрепленные районы вдоль новой границы.

Как видим, мы успели сделать все, что ослабляло нашу оборону и не успели того, что ее укрепляло.

Ну, а чего мы добились в эти годы в смысле упрочения своих международных позиций?

Мы потеряли всех наших потенциальных союзников в ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ и на БАЛКАНАХ и полностью изолировались от тех, кто уже вел борьбу с Германией. Не знаю, как это выглядит с точки зрения дипломатии, но, во вся-

ком случае, это противоречит принципу — строить внешнюю политику на использовании противоречий в капиталистическом мире. Сталинское правительство отошло от этого принципа. Оно добровольно привязало себя к военной колеснице германского фашизма и в течение почти двух лет покорно плелось за этой колесницей как бык, ведомый на убой.

В самом деле, если пакт «О ненападении» можно как-то оправдать, то зачем понадобился договор «О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ»? Зачем нужно было скрупулезно выполнять обусловленные договорами поставки в Германию, ведущую агрессивную войну, если она своими обязательствами по этим же договорам полностью пренебрегла? Почему мы не предприняли решительных шагов даже тогда, когда нам явно начали «оттаптывать ноги», ввели войска в Румынию и Болгарию, захватили Грецию и Югославию, сосредоточили крупную военную группировку вблизи от нашей границы в Польше?

Бытует довольно распространенный предрассудок, будто советское правительство вело себя описанным образом сознательно, чтобы не вызвать у фашистского агрессора раздражения и не дать ему тем самым повода для нападения на нас. Не в меру усердным защитникам сталинской политики в отношениях с Германией не мешало бы припомнить басню Крылова «Волк и Ягненок». Так же, как волк в этой басне нашел повод, чтобы съесть ягненка, так и агрессор, если будет уверен в своей безнаказанности, всегда найдет повод для нападения. Единственный аргумент, с помощью которого можно заставить агрессора отказаться от своего намерения, — СИЛА.

10. Что же вредно для Родины?

В минувшую войну не было государства, которое оказалось бы менее подготовленным к внезапному нападению, чем Советский Союз. А между тем, во всех странах, бывших в войне с гитлеровской Германией нашими союзниками, в связи с ошибками, допущенными у них перед войной, было так или иначе произведено разбирательство.

Англия отстранила свое правительство (Чемберлена) только за то, что оно не сумело предотвратить развязывание войны в невыгодных для Англии условиях, то-есть — лишь за ошибки во внешней политике — за Мюнхен.

США провели парламентское расследование в связи с

единственным за всю войну случаем внезапного нападения на их вооруженные силы. Имеется в виду случай внезапного нападения японского военно-морского флота на военно-морскую базу США на Тихом океане ПИРЛ-ХАРБОР.

Франция судила свое правительство за то, что оно допустило поражение своей армии, которая, кстати говоря, была вся в целом намного слабее войск наших западных военных округов, особенно в военно-техническом отношении.

А вот за ошибки нашего правительства, равнозначные невиданной измене, расплатился только народ. Расплатился, во-первых, невероятными по масштабу потерями на фронте. Гитлеровцы на всех фронтах Второй мировой войны — на Востоке, Западе, Юге и в Африке — потеряли убитыми и умершими от ран около 4 миллионов человек, а мы — только на советско-германском фронте — 13,5 милл., то-есть в ТРИ С ПОЛОВИНОЙ РАЗА БОЛЬШЕ. Расплатился наш народ, во-вторых, жизнями миллионов людей, погибших во время гитлеровской оккупации. Расплатился, наконец, в-третьих, миллионами репрессированных во время войны и в послевоенный период защитников нашей Родины, ее воинов-солдат и офицеров, проявивших в беззаветной борьбе с вторгшимся противником чудеса храбрости и героизма.

Никто из непосредственных виновников того, что наша страна перед лицом агрессии оказалась беззащитной, никакой ответственности — даже моральной! — не понес.

Это странно, почти неправдоподобно, но, учитывая то, что было вскрыто на XX съезде партии, вполне объяснимо. Гораздо труднее объяснить появление рассматриваемой статьи теперь, статьи — не только пытающейся извратить и упрятать подальше правду о наших поражениях, но и недвусмысленно угрожающей всем, кто хочет приподнять завесу над этой правдой. Да еще где! — в печатном органе института МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА. Зачем и кому понадобилась такая статья? Нельзя поверить, что это инициатива авторов или ваша, товарищ редактор. Нет, на статью имеется влиятельный заказчик! Есть, значит, силы, и видимо, силы существенные, которые заинтересованы в том, чтобы о начальном периоде вообще ничего не писали. Статья в вашем журнале — это попытка отнести начальный период войны, не считаясь с насущными интересами обороны, в разряд «табу».

Очень тревожные вопросы возникают в связи с этой статьей: — чьим интересам она служит? кто боится правды о начальном периоде войны? что это за силы, которые в прямой ущерб советскому народу и обороноспособности нашей страны, упорно добиваются, чтобы об этом периоде все же забыли? где они эти силы, кто они?

Это — страшные для нашей страны силы! Особенно своевременно бить тревогу об этом сейчас, когда в мире все меньше спокойствия, когда новая мировая война стоит буквально у порога. И, если в этих условиях не только живы, но и пользуются влиянием силы, которые при подготовке минувшей войны, совершили то, что можно назвать только одним именем — ИЗМЕНА — об этой опасности следует кричать в полный голос.

Пора, наконец, твердо сказать — ХВАТИТ! Довольно прекраснотушения и пустых словословий. Совесть человеческая не может больше мириться с лицемерием и ложью. Нельзя позволять никому больше прятаться за героизм тех безвестных героев, что погибли по прямой вине любителей болтать о героизме мертвых. Нельзя больше мириться с глумлением над памятью погибших, с амнистией изменникам — бывшим и будущим. Все члены ленинской партии, все сознательные граждане обязаны потребовать главного расследования настоящих причин поражения в начальный период войны. Это поднимет международный авторитет нашей Родины: укрепит ее обороноспособность, извлечет из небытия имена таких героев, как предшественник Голикова по Разведупру Генерального Штаба генерал-лейтенант авиации Проскуров, который пошел на смерть от руки сталинско-бериевских палачей, но не стал давать о противнике угодные Сталину лживые сведения. Это послужит, наконец, хорошим предостережением для нынешних и будущих руководителей вооруженных сил.

11. Кто же виноват?

Ответить полностью на этот вопрос может только глубокое и всестороннее гласное расследование. Но то, что мне известно, считаю долгом сказать уже здесь.

ГЛАВНЫМ ВИНОВНИКОМ, бесспорно, являлся СТАЛИН и возглавлявшееся им ПРАВИТЕЛЬСТВО. В этом — как я уже упоминал — признался даже он сам, выступая в Кремле 24 мая 1945 года.

Персональную ответственность за все описанное выше, то-есть за действия, равносильные прямому содействию фашистам, должны, кроме того, нести следующие лица:

К. Е. Ворошилов, который многие годы стоял во главе Красной Армии, а затем, вплоть до начала войны, был заместителем председателя Совнаркома по оборонным вопросам. Именно при его руководстве армией в ней было произведено описанное выше опустошение в кадрах. За несколько десятилетий ношения военной формы, а затем и маршальской звезды, он не удосужился всерьез заняться военным делом, поэтому так и не понял сути созданной в конце 20-х и начале 30-х годов передовой советской военной науки и возглавил ее уничтожение. Он же санкционировал все ошибочно преступные действия в области оснащения армии вооружением и боевой техникой. Он же соучаствовал в кровавой расправе над самыми крупными полководцами нашей страны.

С. К. Тимошенко, сменивший Ворошилова на посту наркома обороны и продолжавший его преступно-саботажническое отношение к вопросам подготовки страны к обороне, должен разделить вместе с ним и ответственность.

В числе первых фигур следует поставить и Ф. Голикова. Это он накануне войны возглавлял Разведывательное управление Генерального Штаба и преднамеренно поставлял правительству заведомую ложь и дезинформацию о противнике — лживые, но угодные Сталину сведения о составе и группировке войск фашистской Германии. Даже один из двух «критиков» книги Некрича, так боящийся правды о начале войны (Г. А. Деборин), выступая на упоминавшемся обсуждении в институте марксизма-ленинизма, назвал поведение этого дезинформатора преступным.

Совершенно особо стоит вопрос еще об одном человеке — из главных, ответственных за поражения начального периода войны. Я имею в виду маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Своей самоотверженной полководческой деятельностью в ходе войны и незаурядными военными дарованиями он снискал мировую известность и глубокое уважение советского народа. И все же мы не вправе замолчать тот факт, что накануне войны Георгий Константинович занимал пост начальника Генерального Штаба и был, следовательно, тем лицом, которое несло главную ответственность: за боеготовность

войск, за отвечающее современным требованиям строительство вооруженных сил, за соответствие военно-теоретических взглядов достигнутой ступени развития военного дела и за правильность оценки боевой мощи противника.

По своим тогдашним знаниям и опыту он, бесспорно, не мог нести ответственности за все это. Должность начальника Генерального Штаба была ему в то время явно не по плечу. Чтобы убедиться в этом, достаточно напомнить, что: 1) это он санкционировал, в преддверии войны, уничтожение старых, но вполне современных и являвшихся преградой на путях вероятного наступления врага, укрепленных районов, 2) переформирование танковых войск было затеяно по его личному настоянию, 3) он не смог правильно оценить противника, величину нависшей над страной угрозы, определить, хотя бы приблизительно, сроки возможного нападения врага и доверял явно дезинформаторским сведениям начальника Разведупра Голикова.

Не подлежит сомнению, что Жуков, прошедший через горнило войны, не допустил бы не только таких грубых, но и менее существенных ошибок. Так почему же он не напишет об этом? Вряд ли можно поверить, будто человек с его умом станет рассчитывать на то, что происшедшее с ним удастся скрыть от истории. Думаю, он прекрасно понимает, что его имя будет сохранено в чистоте лишь при условии, что он самокритично проанализирует всю предвоенную обстановку и деятельность руководимого им Генерального Штаба. И, если он не сделал этого до сих пор, то, очевидно, есть причины, от него независящие. Будем надеяться, что у него достанет гражданской доблести, чтобы преодолеть все препятствия и помочь народу раскрыть тайны, до сих пор окутывающие ту трагедию, что творилась за кулисами.

12. Ответственность историка

Чтобы ближе подойти к истине, мы обходились до сих пор без материалов книги Некрича, без ее анализа. Теперь, когда письмо Вам, товарищ редактор, подошло к концу, пришло время и для этого.

Что же сделал Некрич? Он задался целью написать — и написал! — книгу о причинах поражения наших войск в начальный период войны. Искал он эти причины, как и должен

был их искать любой нормальный исследователь, в событиях, предшествовавших войне.

Каков же результат исследований Некрича? Почти во всех вопросах исследователь пришел к тем же результатам, что и изложенные в данном письме. Но у него все подано во много крат мягче, округлей, приглаженной. Кое-чего в книге не хватает, — например, — соотношения сил сторон к началу войны. Есть вопросы, освещенные неверно, например, — развитие советской военной теории. Далеко неполно, и потому неверно, освещен вопрос о командных кадрах Красной Армии. Совершенно нет анализа влияния сталинской политики массовых репрессий на обороноспособность страны.

Мною последний вопрос тоже затронут лишь частично — только в специфически военном аспекте. Но аресты-то шли ведь во всех областях, во всех звеньях государственной, политической, культурной и хозяйственной жизни страны и тем решающим образом подрывали и расшатывали наш общественный строй во всех отношениях. Накануне войны и в ходе ее в лагеря были заключены миллионы годных к военной службе мужчин, многие из которых являлись крупными специалистами народного хозяйства. Охраняли этих «врагов народа» сотни тысяч молодых и здоровых, нужных на фронте, мужчин. И это было в то время, когда в стране призывной контингент был исчерпан, а потребности в пополнениях оставались совершенно неудовлетворенными. Все эти лагеря и их охрана тяжелым бременем ложились на бюджет страны, самым серьезным образом подрывали ее обороноспособность. Однако, вопрос этот еще только ждет своего исследователя.

С другой стороны, в партийных, советских, хозяйственных и других организациях шло, как и в армии, «смелое движение». Люди, абсолютно неподготовленные к руководству и просто бездарные, но подхалимы, клеветники и «стукачи» пролезали на теплые местечки. Пышно расцветал карьеризм и его неизбежный спутник — очковтирательство.

На базе развивавшегося подхалимажа укреплялся, затвердевал, можно сказать, матерел бюрократизм. Этому способствовало и то, что Сталин усиленно подкармливал высших сановников сверхвысокими (и даже засекреченными от всех) окладами, персональными машинами и дачами, денежными пакетами, орденами и званиями. Это тоже ложилось тяжелым бре-

менем на бюджет и подрывало боеспособность аппарата: инициатива глохла, расцветало бездумное повиновение, интересами дела поступались в интересах места. Может быть, именно поэтому и из этого проистекали такие явления, как «голиковщина» — докладывание не того, что есть, а того, что может **понравиться начальству**. Этот вопрос, опять-таки, нуждается в специальном исследовании. Таких исследований у Некрича нет. Но винить его за это нельзя. Он — первый. И хорошо уж то, что он поднял хоть краешек над тайнами, бывшими долгое время укрытыми от глаз широких народных масс. Единственно, за что следовало на него посетовать, так это за то, что он всячески смягчает выводы, обходит острые углы, и потому у него, при всей правдивости приводимых фактов, получается, что были, все-таки лишь «ошибки», «просчеты», «недостатки» и «упущения», за которые ответственность несет один Сталин. А это — **далеко не вся правда**.

Но можно ли и за это винить Некрича? Безусловно, **НЕТ!** И лучшее доказательство этому — «критика» его книги в вашем журнале. Эта «критика» показывает, что Некрич повел исследование в правильном направлении, что идя таким путем, можно дойти до истины. И те, кто этой истине боятся, всполошились. Они предприняли попытку ошельмовать Некрича и застрашать других историков.

Твердо верю, что и у Некрича, и у всех подлинных историков-марксистов найдется достаточно гражданского мужества, чтобы не испугаться жалких, но силящихся выглядеть пострашнее, вредных нашей стране шаманских заклинаний дебориных, тельпуховских и прочих пропагандистов лжи, жрецов сталинской исторической лженауки. Те, кто не испугался, обязаны продолжить исследование рассмотренного нами периода и добиться, в интересах нашей Родины, полного установления истины.

А тем, кто подобно Г. А. Деборину и В. С. Тельпуховскому, будут и дальше противодействовать правде, совершая тягчайшее преступление перед **НАРОДОМ И РОДИНОЙ**, — не мешало бы припомнить мудрое и справедливое замечание великого Сервантеса: — «Лживых историков надо казнить, так же, как **ФАЛЬШИВОМОНЕТИЧКОВ**».

6.12.67.

Григоренко, Петр Григорьевич

